

Литература Эстонии

В Музее западного искусства открылась выставка эстонской книги. Как мало мы знали об истории и литературе народа, более тысячи лет живущего с нами бок о бок и более 200 лет входившего в состав России!

Об истории эстонского народа особенно красочно рассказывают две книги. Одной из них более 400 лет. Это реконструированный текст катехизиса, переведенного на эстонский язык пастором Иоганном Келлем (1535 г.). Это первая печатная книга на национальном, родном языке, переведенная не только в Эстонии, но и во всей Прибалтике.

После ее выхода развитие эстонской письменности в течение трех веков было делом немецкого духовенства, время от времени переворачивавшего на плохой, немножко идиотский, язык ту или иную книгу духовного или благочестиво-поучительного содержания. Другая примечательная для истории Эстонии книга вышла только в начале 60-х годов XIX века в Купино (Финляндия) и называется «Калевипоэз» («Сын Калева»). Это эпическая поэма, появившаяся с далеком, словом, прошлым эстонского народа, о его богатырях. Для эстонских врачей-литераторов — Фельман и Крейфельда — посыпалась свою жизнь, собиравши народных преданий и песен, легенд в основу этого эпоса. Фельман умер, не успев осуществить свою мечту о книге; поэму написал Крейфельд.

С уничтожением крепостничества и многих его пережитков (прописанных в Прибалтике быстрым и решительным, чем в самой России, начинанием экономический и культурный подъем народа. Енина Крейфельда открыла народа, вдохнула в него чувство национальной гордости. Появляющиеся плеяды талантливых людей возглавили национальную культурную революцию. Это литераторы-разночинцы — учитель, врачи, журналисты, филологи, пасторы. Как в русские просветители 60-х годов, они не преберегают никакой работы: пишут учебники и пьесы, стихи и филологические исследования, научно-популярные статьи и рассказы; собирают народные песни и произносят политические речи; организуют сельскохозяйственные общества и всенародные «праздники песен». Наиболее видными из этих людей были: Иоганн Янсен и Барл Якобсон — политические вожди эстонского народа и вместе с тем литераторы-поэты; Янк Хурт — положивший начало величайшему в мире собранию народных песен; Михаэль Веско и Лилия Койтула — лучшие из поэтов того времени, чьи стихи так органически вошли в парод, что воспринимаются как фольклор, как народные песни.

В 80-х годах настает эпоха русофильской политики Александра III. Прокходят первые романтические восторги, литература как бы трезвеет, с неясно опущенными на землю. От поэзии первенство переходит к прозе.

Несмотря на то, что прозу (особенно небольшую, так называемые «деревенские рассказы») пишут и раньше, подлинным отцом эстонского романа можно считать Эдуара Вильде (1865—1933).

Начав в легких рассказах в духе немецкого «Gartenlaube» (семейно-развлекательный журнал), Вильде все больше углубляется в социально-психологические и исторические проблемы («В холдинг края», «Бойба в Махтра», «Пророк Мальгите», «Макельский молчаник» и пр.).

Хотя реализм Вильде не очень далеко ушел от натурализма, но тем не менее писатель создал в эстонской прозе хорошие традиции: внимание к социальным явлениям, критическое отношение к окружающей действительности, интерес к жизни обездоленных.

Одновременно с Э. Вильде в эстонскую литературу вошел поэт, вероятно, самый самобытный, самый национальный по своему личному складу, по творческому обличью. Это — Юхан Лийв (1864—1913), человек несчастной судьбы, неудачника, на долгие годы пропавший с литературного горизонта и вновь появившийся.

Лирическая поэзия Юхана Лийва очень

прежде всего в их полной невиновности по отношению к той мрачной трагедии, в которую вернулся Европа. Ему все противостоит в глубинах их души.

Каково же должно быть настроение общества, если даже военная цензура не может следить такие высказывания на третий — четвертый месяц войны? Никто не понимает, зачем эта война, кому она нужна, по имя чего она ведется.

Газета «Пти Прованс» писала в декабре, что не следует откладывать летом в игрушках к елке, потому что маленькие девочки не знают, что такое война. Маленькие девочки могут спросить: «А почему война?»

Юмористическая газета «Мерль», пытаясь это место, говорит: «В самом деле! Мы в «Мерле» не маленькие девочки. Мы, пожалуй, вполне взрослые мальчики. Однако, это не мешает нам задавать тот же вопрос: «Почему война?»

Конечно, есть люди на жалованье, которые пишут, что все идет очень хорошо и катится к еще лучшему. Они, оказывается, еще в ноябре сообщали, эти люди, что линия Зигфрида затянута и что германской пехоты пришло передать в

вопрос: «Почему война?»

Конечно, есть люди на жалованье, которые пишут, что все идет очень хорошо и катится к еще лучшему. Они, оказывается, еще в ноябре сообщали, эти люди,

что линия Зигфрида затянута и что германской пехоты пришло передать в

вопрос: «Почему война?»

Конечно, есть люди на жалованье, которые пишут, что все идет очень хорошо и катится к еще лучшему. Они, оказывается, еще в ноябре сообщали, эти люди,

что линия Зигфрида затянута и что германской пехоты пришло передать в

вопрос: «Почему война?»

Конечно, есть люди на жалованье, которые пишут, что все идет очень хорошо и катится к еще лучшему. Они, оказывается, еще в ноябре сообщали, эти люди,

что линия Зигфрида затянута и что германской пехоты пришло передать в

вопрос: «Почему война?»

Конечно, есть люди на жалованье, которые пишут, что все идет очень хорошо и катится к еще лучшему. Они, оказывается, еще в ноябре сообщали, эти люди,

что линия Зигфрида затянута и что германской пехоты пришло передать в

вопрос: «Почему война?»

Конечно, есть люди на жалованье, которые пишут, что все идет очень хорошо и катится к еще лучшему. Они, оказывается, еще в ноябре сообщали, эти люди,

что линия Зигфрида затянута и что германской пехоты пришло передать в

вопрос: «Почему война?»

Конечно, есть люди на жалованье, которые пишут, что все идет очень хорошо и катится к еще лучшему. Они, оказывается, еще в ноябре сообщали, эти люди,

что линия Зигфрида затянута и что германской пехоты пришло передать в

вопрос: «Почему война?»

Конечно, есть люди на жалованье, которые пишут, что все идет очень хорошо и катится к еще лучшему. Они, оказывается, еще в ноябре сообщали, эти люди,

что линия Зигфрида затянута и что германской пехоты пришло передать в

вопрос: «Почему война?»

Конечно, есть люди на жалованье, которые пишут, что все идет очень хорошо и катится к еще лучшему. Они, оказывается, еще в ноябре сообщали, эти люди,

что линия Зигфрида затянута и что германской пехоты пришло передать в

вопрос: «Почему война?»

Конечно, есть люди на жалованье, которые пишут, что все идет очень хорошо и катится к еще лучшему. Они, оказывается, еще в ноябре сообщали, эти люди,

что линия Зигфрида затянута и что германской пехоты пришло передать в

вопрос: «Почему война?»

Конечно, есть люди на жалованье, которые пишут, что все идет очень хорошо и катится к еще лучшему. Они, оказывается, еще в ноябре сообщали, эти люди,

что линия Зигфрида затянута и что германской пехоты пришло передать в

вопрос: «Почему война?»

Конечно, есть люди на жалованье, которые пишут, что все идет очень хорошо и катится к еще лучшему. Они, оказывается, еще в ноябре сообщали, эти люди,

что линия Зигфрида затянута и что германской пехоты пришло передать в

вопрос: «Почему война?»

Конечно, есть люди на жалованье, которые пишут, что все идет очень хорошо и катится к еще лучшему. Они, оказывается, еще в ноябре сообщали, эти люди,

что линия Зигфрида затянута и что германской пехоты пришло передать в

вопрос: «Почему война?»

Конечно, есть люди на жалованье, которые пишут, что все идет очень хорошо и катится к еще лучшему. Они, оказывается, еще в ноябре сообщали, эти люди,

что линия Зигфрида затянута и что германской пехоты пришло передать в

вопрос: «Почему война?»

Конечно, есть люди на жалованье, которые пишут, что все идет очень хорошо и катится к еще лучшему. Они, оказывается, еще в ноябре сообщали, эти люди,

что линия Зигфрида затянута и что германской пехоты пришло передать в

вопрос: «Почему война?»

Конечно, есть люди на жалованье, которые пишут, что все идет очень хорошо и катится к еще лучшему. Они, оказывается, еще в ноябре сообщали, эти люди,

что линия Зигфрида затянута и что германской пехоты пришло передать в

вопрос: «Почему война?»

Конечно, есть люди на жалованье, которые пишут, что все идет очень хорошо и катится к еще лучшему. Они, оказывается, еще в ноябре сообщали, эти люди,

что линия Зигфрида затянута и что германской пехоты пришло передать в

вопрос: «Почему война?»

Конечно, есть люди на жалованье, которые пишут, что все идет очень хорошо и катится к еще лучшему. Они, оказывается, еще в ноябре сообщали, эти люди,

что линия Зигфрида затянута и что германской пехоты пришло передать в

вопрос: «Почему война?»

Конечно, есть люди на жалованье, которые пишут, что все идет очень хорошо и катится к еще лучшему. Они, оказывается, еще в ноябре сообщали, эти люди,

что линия Зигфрида затянута и что германской пехоты пришло передать в

вопрос: «Почему война?»

Конечно, есть люди на жалованье, которые пишут, что все идет очень хорошо и катится к еще лучшему. Они, оказывается, еще в ноябре сообщали, эти люди,

что линия Зигфрида затянута и что германской пехоты пришло передать в

вопрос: «Почему война?»

Конечно, есть люди на жалованье, которые пишут, что все идет очень хорошо и катится к еще лучшему. Они, оказывается, еще в ноябре сообщали, эти люди,

что линия Зигфрида затянута и что германской пехоты пришло передать в

вопрос: «Почему война?»

Конечно, есть люди на жалованье, которые пишут, что все идет очень хорошо и катится к еще лучшему. Они, оказывается, еще в ноябре сообщали, эти люди,

что линия Зигфрида затянута и что германской пехоты пришло передать в

вопрос: «Почему война?»

Конечно, есть люди на жалованье, которые пишут, что все идет очень хорошо и катится к еще лучшему. Они, оказывается, еще в ноябре сообщали, эти люди,

что линия Зигфрида затянута и что германской пехоты пришло передать в

вопрос: «Почему война?»

Конечно, есть люди на жалованье, которые пишут, что все идет очень хорошо и катится к еще лучшему. Они, оказывается, еще в ноябре сообщали, эти люди,

что линия Зигфрида затянута и что германской пехоты пришло передать в

вопрос: «Почему война?»

Конечно, есть люди на жалованье, которые пишут, что все идет очень хорошо и катится к еще лучшему. Они, оказывается, еще в ноябре сообщали, эти люди,

что линия Зигфрида затянута и что германской пехоты пришло передать в

вопрос: «Почему война?»

Конечно, есть люди на жалованье, которые пишут, что все идет очень хорошо и катится к еще лучшему. Они, оказывается, еще в ноябре сообщали, эти люди,

что линия Зигфрида затянута и что германской пехоты пришло передать в

вопрос: «Почему война?»

Конечно, есть люди на жалованье, которые пишут, что все идет очень хорошо и катится к еще лучшему. Они, оказывается, еще в ноябре сообщали, эти люди,

что линия Зигфрида затянута и что германской пехоты пришло передать в

вопрос: «Почему война?»

Конечно, есть люди на жалованье, которые пишут, что все идет очень хорошо и катится к еще лучшему. Они, оказывается, еще в ноябре сообщали, эти люди,

что линия Зигфрида затянута и что германской пехоты пришло передать в

вопрос: «Почему война?»

Конечно, есть люди на жалованье, которые пишут, что все идет очень хорошо и катится к еще лучшему. Они, оказывается, еще в ноябре сообщали, эти люди,

что линия Зигфрида затянута и что германской пехоты пришло передать в

вопрос: «Почему война?»

Конечно, есть люди на жалованье, которые пишут, что все идет очень хорошо и катится к еще лучшему. Они, оказывается, еще в ноябре сообщали, эти люди,

что линия Зигфрида затянута и что германской пехоты пришло передать в

вопрос

Во весь свой голос

В последнем номере «Литературной газеты» была напечатана статья И. Смелякова «За подлинно большую поэзию». Мне кажется, что в статье есть и отдельные ее положения.

Новизненному Смелякову хочет возразить Адалис, которая в своей статье называет «лучшим лириком» С. Шипачева, и заявляет, что «лучший лирик сегодняшнего дня — Владимир Маяковский».

Не думаю, чтобы Адалис продолжила этот спор, да и ссора, по-моему, не может быть, потому что даже самое противостояние этих двух имен калится мне искусственно, нечестивым и неумным. Все дело только в том, что все мы — люди в основном добродушно настроенные, и каждому из нас очень уж хочется, чтобы было «больше поэтов хороших разных», и чтобы наряду с юрским для нас именем Маяковского можно было называть еще какое-нибудь имена или хотя бы имя поэта, живущего и работающего рядом с нами. Это большая радость для настоящего поэта — повстречать другого, близкого ему, по-настоящему талантливого поэта. Жаль, если Смеляков этой радости не понимает.

Для Адалиса таким поэтом сегодня является Шипачев, и она пытается показать это. Иных ее показательств убийств, имена показывают недостаточными, но не в этом дело, дело в том, что Шипачев живет и работает и, невидимая ими какими критическими разговорами вокруг его имени, делает то, что ему кажется верным, работает много, увлеченно и интересно и за последние несколько лет стал заметной фигурой в советской поэзии. (Быть, об этом же и так же высоко оценивая текущую работу Шипачева, только в несколько более сдержанном тоне, писал и Смеляков несколько недель тому назад в той же «Литературной газете»).

Есть у Смелякова несколько абсолютно правильных утверждений.

Первым из них я считаю разговор о линиях и коротких стихах, о какой-то, будто бы появившейся «идее» на короткие стихи и упоминающее заявление о том, что все стихи Маяковского, ставшие все больше и больше, потому что народ растет. Маяковский верил в этот рост, приведя его и поэтому никого не приблизился, никого не развелся на людей белых духовно, а ждал, чтобы они поднялись к нему, к его поэзии, звал и манил своей красотой и силой.

А как мы? Мы — поэты, живущие всегда только на одно десятилетие позже Маяковского?

Всего только на одно десятилетие и в то же время на целое десятилетие позже Маяковского.

И вот для того, чтобы стать таким поэтом своего времени, нужно прежде всего учиться у Маяковского.

Эту учебу, новизненному, придется понимать по-разному.

Смеляков в своей статье, Кирсанов в ряде своих статей и, пожалуй, во всей своей поэтической практике, считают, что этой учебой является полный отказ от себя, от своего поэтического лица, от своих — пусть маленьких, но своих черточек (кстати, превращение этих маленьких «своих» чертежей в большие индивидуальные качества зависит от поэта, от его работы над собой), от своей поэтической индивидуальности во имя того, чтобы пленкою покинуться Маяковскому, его форме, его походку к теме, чтобы какое-то время только воспроизводить в похожих размерах, строках и словах всю неизменность Маяковского, чтобы поплыть по этому буряку и трунико предположку течению в национальную на то, что хватит сил заплыть по той же реке дальше, чем заплыл Маяковский. Трудная задача! Кстати, у Кирсанова, по-моему, лучше всего из того, что он написал, получается тогда, когда он для переложки сворачивает с основного течения в какую-нибудь более узкий и тихий рукав (что он, по-моему, делает последние времена довольно часто).

Вторым, несомненно, величайшим, утверждением является разговор об упоминании в стихах слова «коммунизм».

Сначала Смеляков выражает против того, что «некоторые товарищи встречаются с любовью и вдумчивостью звучит это слово». Но не в простом упоминании языка, а в том, что и Маяковскому монополию на коммунизм, как монополию на «удачный эпитет».

Если вообще говорить о простом упоминании слова «коммунизм» в стихах, то я могу в памяти привести очень много примеров из стихов моих товарищей — современных поэтов, в которых очень обстоятельно, с любовью и вдумчивостью звучит это слово. Но не в простом упоминании языка, чтобы вся советская поэзия, каждый поэтический поэт все время зумел «коммунизм» как замыкавшееся в Маяковского. Они, видите ли, отдали Маяковскому монополию на коммунизм, как монополию на «удачный эпитет».

Важно, чтобы коммунизм был основной поэтической позицией, обединяющей в себе все вопросы, отражающими наше время.

Такую учебу у Маяковского я отрицаю категорически и прежде всего потому, что не было в советской поэзии, обединяющей в себе коммунизм. Все лучшее, что было и есть в советской поэзии, написано о коммунизме, о людях, его создавших, о чувствах, им воспитываемых, написано во имя коммунизма.

Хотелось покончить с этими отдельными воспоминаниями для того, чтобы перейти к основному вопросу статьи Смелякова, к вопросу об учебе у Маяковского, о том, как

Маргарита АЛИГЕР

кой должна быть эта учеба, и к моему основному возражению против статьи.

Маяковский-поэт и человек Владимир Маяковский был по росту времени.

А Маяковский жил в этом времени, как в отчужденном, во весь рост, во весь голос, и чем просторнее и шире выше становился этот дом, тем легче дышалось его большому обитателю тем легче ему жилось тем выше рос он сам как человек и поэт.

И жив Маяковский сейчас — ему было бы значительно легче, он бы был куда счастливее, потому что время стало еще выше и шире, потому что люди стали больше и значительнее, потому что коммунизм стал еще опутаннее в близи.

Маяковский писал, развиваясь на свое большое и требовательное время, он не сниклся до потребительских вкусов, а требовал, чтобы этот читатель подымался с языка и настолько же стремился к интереснейшей поэтической форме все величие времени, — последних часов всем входит в коммунизм.

Вот это первое, чему мы должны учиться у Маяковского, для того чтобы иметь право называть себя поэтами, пытаться в ногу с временем; учиться голосу, созвучному времени, гражданской языку, большому человеческим чувствам и идеалам, приводившим временем, а не разбитым стулом.

Во-вторых, я совершенно уверена в том, что Маяковский и сейчас бы были по прекрасным и трудным, поистине тающим стихам, выражавших такие чувства, которые делали бы его поэтом лишь для лучших людей, по-настоящему, большой любовью любящих поэзии, нового человека, революции и коммунизма.

И вторым элементом учебы Маяковского я считаю умение высоко держать знамя своих творческих принципов и идеалов, неуступчивость и непримиримость.

Но обмыться легким усехом другого, не бросаясь очертами головы по его пути в падеже перехватить аллюзии, по праву принадлежащие другому, не по-творствовать остаткам яркого вкуса, а стараться своим стихами уничтожить его, подняться к нему, к его поэзии, звать и манил своей красотой и силой.

Ла, быть поэтом для большого, требовательного советского читателя, самого строгого читателя в мире.

Начнувшись разговоры о простоте и сложности, о простоте и изысканности, но это страшно. Мы все уже отлично знаем, что есть простота «жестокого» романса, необходимая поэзия и обязательна, и простота народной песни, которую любил Ленин, которую вдохновила пели советские бабушки, сила в трудные годы в огне под Выборгом.

И, наконец, учеба у Маяковского, как дальнейший путь советской поэзии, который может развиваться только опираясь на ранее указанные принципы и первую очередь — за счет максимального проявления творческой индивидуальности и своеобразия поэта, то есть как раз того, что предсторегает Смеляков в последнем абзаце своей статьи, потому что отходит от своей творческой индивидуальности во имя того, чтобы писать для народа, для детей, для женщин, для молодежи, для всех, кто участвует в Маяковском.

И вот для того, чтобы стать таким поэтом своего времени, нужно прежде всего учиться у Маяковского.

Эту учебу, новизненному, придется понимать по-разному.

Смеляков в своей статье, Кирсанов в ряде своих статей и, пожалуй, во всей своей поэтической практике, считают, что этой учебой является полный отказ от себя, от своего поэтического лица, от своих — пусть маленьких, но своих черточек (кстати, превращение этих маленьких «своих» чертежей в большие индивидуальные качества зависит от поэта, от его работы над собой), от своей поэтической индивидуальности во имя того, чтобы пленкою покинуться Маяковскому, его форме, его походке к теме, чтобы какое-то время только воспроизводить в похожих размерах, строках и словах всю неизменность Маяковского, чтобы поплыть по этому буряку и трунико предположку течению в национальную на то, что хватит сил заплыть по той же реке дальше, чем заплыл Маяковский. Трудная задача! Кстати, у Кирсанова, по-моему, лучше всего из того, что он написал, получается тогда, когда он для переложки сворачивает с основного течения в какую-нибудь более узкий и тихий рукав (что он, по-моему, делает последние времена довольно часто).

Такую учебу у Маяковского я отрицаю категорически и прежде всего потому, что не было в советской поэзии, обединяющей в себе все вопросы, отражающими наше время.

«Да, я ничего особенного не сделал, да каждый бы на моем месте...»

И действительно думают, что не сделали ничего особенного, что могли бы сделать куда больше, да и сделают.

В этом сила человека — всегда верить в то, что он может еще больше. Это ему дает возможность совершенствовать самые смелые подвиги.

Вот так надо жить и в поэзии: ставить перед собой огромные задачи, верить в то, что выполнишь их, и, как бы тебя ни хвалили, всегда думать: «За что хвалите, ведь это еще очень мало, ведь я-то знаю, что могу я еще больше».

И работать, работать во-всю, никогда не успокаиваясь, ничего не считая пределом своих возможностей. Не жалеть своих сил, всегда думать, что их еще очень и очень много и на очень и очень много хватит.

Так, я думаю, жил и работал Маяковский.

трудно, и никому не позволено утверждать, что он писал бы именно так, а не иначе, потому что мы любим Маяковского, а не тех, кто его переписывает даже без собственных орфографических мыслей, потому что мы любим Маяковского как поэзию эпохи, как звучавший в прекрасной поэтической форме. И эта любовь дает уверенность, что как бы мы писали сейчас Маяковский, то, в чем он писал бы, и то, как он об этом писал бы, было бы сильно на весь мир выделено его необыкновенно советскому читателю, выражало бы в интереснейшей поэтической форме все величие времени, — последних часов всем входит в коммунизм.

— Да, счастье ревниво. А значит, ему,

как всякой ревности, свойственны стыд.

Асты — это молчание. И получается так, что о счастье мы помалкиваем, а то определяем счастье, которое у нас просится с языка, иногда и неправильно...

— То есть получается, по-твоему, — почти вскакое счастье, о котором мы скажем, это самообман?

— Верное, желание иметь счастье. Хоть какий-нибудь! Хоть сколько-нибудь! Вполне законное желание, можешь прочит. Кхе-кх.

Здесь доктор Макаревский, Александр Яковлевич, издал короткий смешной звук, означавший, что рассуждение окончено.

Язык не повернулся, то есть я не могу сказать, что я-то говорю.

— Да, счастье, которое мы скажем, это самообман?

<p

НОВЫЕ РАССКАЗЫ МИХАСЯ ЛЫНЬКОВА

Освобождение Западной Белоруссии от генерального польско-поместического гнёта было мечтой белорусского народа, а тема освобождения была как бы социальным всенародным заказом белорусским писателям на протяжении всех двадцати лет выдающихся Польши на красках восточных. Стихи и поэмы Янки Купалы, Якуба Коласа, Петра Бровко, Петра Глебко, повести, романы и рассказы Михася Лынькова, Эдуарда Самуиленка, Кузьмы Чорного очень часто касались этой темы, воспевая борьбу за свободу, народных героев Западной Белоруссии. Художественное слово белорусских писателей проникало в короны, поддерживало и ободряло западно-белорусских писателей в их замечательной гернической борьбе.

С тем большим восторгом встретили белорусские писатели весть о великом освободительном походе в Западную Белоруссию. Многие из них, в том числе Михась Лыньков, с первым эшелоном Красной Армии переплыли границу, сражаясь за освобождение своего народа. То, что увидел писатель-боев в знаменательные дни этого похода, и является темой последних рассказов Михася Лынькова: «Ядвигин дуб», «Встречи», «Тонкая ситуация», «Капля молока», «Три злотых». А увидел он выходящих из тюрем людей, десятилетия сидевших в глухих камерах польской диктатуры за борьбу с ее бесчинствами провокаторами (рассказ «Встречи»), за стачки крестьян («Ядвигин дуб»), за протест против изъевательства над свободолюбивым народом со стороны правителей Польши. Писатель увидел бывших правителей Польши — «благородных» фабрикатов, патроны которых созданных на показ иностранным туристам. Он видел безжалостных инженеров, охранников тюрем и концлагерей, от увидел и мелкую сошку врага сектантов Пыльского, сына Рудкевича-Крулевского, которым помыкали головы из диффузии, несмотря на всю его усердную пытливую службу. А самое главное, он увидел огромную испепеляющую ненависть народа к своим поработителям.

Писатель написал и верно отобразил в своих произведениях, как польский рабочий на практике убеждался в том, что отечество помещиков и фабрикатов для него, рабочего, самый страшный враг, способный уничтожить, расстолпить его даже тогда, когда он доблестно выполняет свою обязанность — защищает панское отечество.

Когда читалась рассказы М. Лынькова, казалось, что это не выдумка, а действительные события, — так ярко и правдиво показаны замечательные портреты людей, показаны большие события. Два образа в рассказе наиболее выразительны: холупка Ядвигин, Януш и графический собачек — «рыжая вьюга» — пан Зыгунт. Януш, малоземельный крестьянин, работает на лесопильне в графском лесу. Он немногословен, хотя знает великолепные сказки белорусского народа и умеет их передавать его сыновьям. Всегда он с огромным интересом прочитывает писателями не только Советской Белоруссии.

Полна любви к детям, к людям. Он верит в справедливость, удерживает крестьян от избиения штрафбатчиков, которые явились жаждать панскую рожь во время забастовки крестьян. Януш считает большим грехом поджоги панской колы, совершивший в отместку за карательную экспозицию, присланную графом. «Всё это хлеб горят, тут человеческий горят», — думает он. Но зверское уничтожение карательной экспозиции всего крестьянского имущества, утвари и запасов пантия производят страшное впечатление на старика. Он почтительно пишет панскую усадьбу с торжеством в руках истину и поблагословляет.

Пан Зыгунт — старый шляхтич, графский угодник, хотя граф и не любит его: каждый локоть Зыгунта приносит ему по несчастью. Крестильному терпению приходит конец, и все начне прорывается ненависть труслившихся к эксплуататорам. Зыгунт мечтает стать большим паном, купить землю, построить дом, жениться, чуть ли не на графике. Потому он скрываются, спит в кухне, ест грубую пищу, вследствие высуживается перед графом. Зыгунт боится крестьян. Но страх не мешает ему быть зверем, он хочет краинами мерзии удержать народ в повиновении. Как в образе пана Януся Лыньков обединил все характерные черты польских угнетателей. Этот тип дополнен в рассказе «Тонкая ситуация» двумя образами: сектантов Пыльского, глупого чоповника, владеющего целиком над гибкой белорусской деревней, и юркого мелкого сантика Крулевского, который под видом слезы за нарушением актива выходит за участниками революционного движения. Тонкая наизнанкульность, прекрасный диалог в сочетании с хорошим юмором отличают этот рассказ.

Но по глубине человеческих переживаний, по мастерству портрета на первое место следует поставить рассказ «Встречи». В рассказах на тему о страждании народа писатель застывает трудно избегнуть сентиментального тона, усиления фактурой, что и случилось с некоторыми белорусскими писателями. Рассказы Лынькова лишены этих пороков. Он хорошо знает людей и материю, умеет найти круг интересов для людей разных социальных групп нужную форму выражения этих интересов. Свою отечественную к героям он тщательно прятает, допуская отступления от правила разве только в тех местах, где позволяет себе паны (графини) в «Ядвигине дубе», портрет разбитого панычу польского генерала в рассказе «Капля молока». Обычно изображение пана Януся слабирует кругом наружным юмором, следуя хорошей традиции белорусской народной сказки. Лыньков хорошо владеет искусством детали. Он не говорит о жаждости управляющего графским имением, но описывает пантиха (с уважением птичницы «долго еще высыпала как-то туалетник», выданный десять лет тому назад) о солдате, пропившем свою кровь за «отечество», характеризуется тем, что санитар долго старается научить ему какую-то разницу между целой паншей, а фабриканта показывает даже златый в долг отца убитого солдата. Патриотизм польского буржуза характеризуется удачной продажей гнилого, зараженного сукна на панши, этой операции завидует другой «искусственный пантих» — солдат публичного дома для офицерства. Искусство пантиха отбора детали даёт возможность Лынькову избежать не только ростинности, но и «изнанки» ужасов там, где они действительно были в жизни.

Рассказы Лынькова будут с огромным интересом прочитаны писателями не только Советской Белоруссии.

Сегодня в Москве начинается декада белорусского искусства. На снимке: сцена из I акта пьесы белорусского драматурга К. Крапивы «Партизаны» в постановке Первого белорусского государственного драматического театра

В Минске недавно выступил Еврейский театр миниатюр. Этот театр, работавший в бывшей Польше, ныне включен в систему белорусской театральной сети. Хороший театр, с небольшой талантливой группой актеров и музыкантов. В его репертуаре — маленькие пьески, водевили, жаззворы-песенки. У минской публики он пользовался успехом. Но сильна на него спектакль, сделавший за быстро сменяющиеся номерами, и выразил любовь себя на совершенно неожиданной парадоксальной мысли: а почему, собственно, этот театр называется еврейским? Что специфически национального в его репертуаре, в мастерстве актеров? По существу, решительно ничего. Это просто обычный, традиционный, западноевропейского образца театр миниатюр, только играющий, говорящий на еврейском языке. Все номера, все сценки, вся манера игры взяты из традиционного европейского ревю. Это было театр на еврейском языке, но отнюдь не еврейский театр. В его искусстве вытравлено все подлинно национальное, все унифицировано и инвилировано.

Мы не упоминали бы об этом маленьком эпизоде с маленьким театром, если бы в нем, как в капле воды, не отражалась бы важнейшая специфическая черта современного европейского искусства. Нам друг особенно понятна, особенно опущенная стала глубочайшая разница между нашими социалистическими пониманием национального искусства и национального в искусстве и современным представлением об этом за границей.

После столь наглядного урока, полученного на «сеансе» Еврейского театра миниатюр, с каким-то особым чувством радости и удовлетворения вспомнили мы советское национальное искусство, его неповторимое своеобразие и прелест. Совершенно по-новому смотришь и оцениваешь спектакли белорусской оперы, белорусского драматического театра, слушаешь высыпавшие перед граffiti.

Третья опера «Кветка счастья» («Цветок счастья») композитора Туренкова создана по либретто поэтов Бровки, Глебки и Борисову (кстати, Михаил Глебов и Левашев сделали превосходный русский перевод «Кветки счастья»).

«Цветок счастья» — это полусказка-попытка. По народному преданию, в почве Ивана Купалы, один раз в году, распускается цветок попортина. Тот, кто сорвет этот цветок, найдет свое счастье. И эта опера, в музыке которой использовано много народных народных мотивов, говорит о борьбе народа с неизвестными опасностями.

Наконец, балет «Соловей» композитора Кронштадта написан по мотивам одноименной повести писателя Билюка. Богатейший танцевальный фольклор Белоруссии мастерски использован в «Соловье» постановщиком Ермолаевым.

Белорусская драматургия за эти годы достигла определенных и радостных успехов. О них москвичи смогут судить по «Ядвигину дубу», портрету разбитого панычу польского генерала в рассказе «Капля молока». Обычно изображение пана Януся слабирует кругом наружным юмором, следуя хорошей традиции белорусской народной сказки. Лыньков хорошо владеет искусством детали. Он не говорит о жаждости управляющего графским имением, но описывает пантиха (с уважением птичницы «долго еще высыпала как-то туалетник», выданный десять лет тому назад) о солдате, пропившем свою кровь за «отечество», характеризуется тем, что санитар долго старается научить ему какую-то разницу между целой паншей, а фабриканта показывает даже златый в долг отца убитого солдата. Патриотизм польского буржуза характеризуется удачной продажей гнилого, зараженного сукна на панши, этой операции завидует другой «искусственный пантих» — солдат публичного дома для офицерства. Искусство пантиха отбора детали даёт возможность Лынькову избежать не только ростинности, но и «изнанки» ужасов там, где они действительно были в жизни.

Рассказы Лынькова будут с огромным интересом прочитаны писателями не только Советской Белоруссии.

Сегодня в Москве начинается декада белорусского искусства. На снимке: сцена из I акта пьесы белорусского драматурга К. Крапивы «Партизаны» в постановке Первого белорусского государственного драматического театра

Пора расцвета

В Минске недавно выступил Еврейский театр миниатюр. Этот театр, работавший в бывшей Польше, ныне включен в систему белорусской театральной сети. Хороший театр, с небольшой талантливой группой актеров и музыкантов. В его репертуаре — маленькие пьески, водевили, жаззворы-песенки. У минской публики он пользовался успехом. Но сильна на него спектакль, сделавший за быстро сменяющиеся номерами, и выразил любовь себя на совершенно неожиданной парадоксальной мысли: а почему, собственно, этот театр называется еврейским? Что специфически национального в его репертуаре, в мастерстве актеров?

По существу, решительно ничего. Это просто обычный, традиционный, западноевропейского образца театр миниатюр, только играющий, говорящий на еврейском языке.

Историческая тема главенствует пока в спектаклях и оперном и драматическом театрах. Первая белорусская опера «Михаил Подгорный», оперы «В пущах Полесья» и драма «Партизаны» — все они говорят об исторических этапах жизни и истории белорусского народа.

Историческая тема главенствует пока в спектаклях и оперном и драматическом театрах. Первая белорусская опера «Михаил Подгорный», оперы «В пущах Полесья» и драма «Партизаны» — все они говорят об исторических этапах жизни и истории белорусского народа.

Историческая тема главенствует пока в спектаклях и оперном и драматическом театрах. Первая белорусская опера «Михаил Подгорный», оперы «В пущах Полесья» и драма «Партизаны» — все они говорят об исторических этапах жизни и истории белорусского народа.

Историческая тема главенствует пока в спектаклях и оперном и драматическом театрах. Первая белорусская опера «Михаил Подгорный», оперы «В пущах Полесья» и драма «Партизаны» — все они говорят об исторических этапах жизни и истории белорусского народа.

Историческая тема главенствует пока в спектаклях и оперном и драматическом театрах. Первая белорусская опера «Михаил Подгорный», оперы «В пущах Полесья» и драма «Партизаны» — все они говорят об исторических этапах жизни и истории белорусского народа.

Историческая тема главенствует пока в спектаклях и оперном и драматическом театрах. Первая белорусская опера «Михаил Подгорный», оперы «В пущах Полесья» и драма «Партизаны» — все они говорят об исторических этапах жизни и истории белорусского народа.

Историческая тема главенствует пока в спектаклях и оперном и драматическом театрах. Первая белорусская опера «Михаил Подгорный», оперы «В пущах Полесья» и драма «Партизаны» — все они говорят об исторических этапах жизни и истории белорусского народа.

Историческая тема главенствует пока в спектаклях и оперном и драматическом театрах. Первая белорусская опера «Михаил Подгорный», оперы «В пущах Полесья» и драма «Партизаны» — все они говорят об исторических этапах жизни и истории белорусского народа.

Историческая тема главенствует пока в спектаклях и оперном и драматическом театрах. Первая белорусская опера «Михаил Подгорный», оперы «В пущах Полесья» и драма «Партизаны» — все они говорят об исторических этапах жизни и истории белорусского народа.

Историческая тема главенствует пока в спектаклях и оперном и драматическом театрах. Первая белорусская опера «Михаил Подгорный», оперы «В пущах Полесья» и драма «Партизаны» — все они говорят об исторических этапах жизни и истории белорусского народа.

Историческая тема главенствует пока в спектаклях и оперном и драматическом театрах. Первая белорусская опера «Михаил Подгорный», оперы «В пущах Полесья» и драма «Партизаны» — все они говорят об исторических этапах жизни и истории белорусского народа.

Историческая тема главенствует пока в спектаклях и оперном и драматическом театрах. Первая белорусская опера «Михаил Подгорный», оперы «В пущах Полесья» и драма «Партизаны» — все они говорят об исторических этапах жизни и истории белорусского народа.

Историческая тема главенствует пока в спектаклях и оперном и драматическом театрах. Первая белорусская опера «Михаил Подгорный», оперы «В пущах Полесья» и драма «Партизаны» — все они говорят об исторических этапах жизни и истории белорусского народа.

Историческая тема главенствует пока в спектаклях и оперном и драматическом театрах. Первая белорусская опера «Михаил Подгорный», оперы «В пущах Полесья» и драма «Партизаны» — все они говорят об исторических этапах жизни и истории белорусского народа.

Историческая тема главенствует пока в спектаклях и оперном и драматическом театрах. Первая белорусская опера «Михаил Подгорный», оперы «В пущах Полесья» и драма «Партизаны» — все они говорят об исторических этапах жизни и истории белорусского народа.

Историческая тема главенствует пока в спектаклях и оперном и драматическом театрах. Первая белорусская опера «Михаил Подгорный», оперы «В пущах Полесья» и драма «Партизаны» — все они говорят об исторических этапах жизни и истории белорусского народа.

Историческая тема главенствует пока в спектаклях и оперном и драматическом театрах. Первая белорусская опера «Михаил Подгорный», оперы «В пущах Полесья» и драма «Партизаны» — все они говорят об исторических этапах жизни и истории белорусского народа.

Историческая тема главенствует пока в спектаклях и оперном и драматическом театрах. Первая белорусская опера «Михаил Подгорный», оперы «В пущах Полесья» и драма «Партизаны» — все они говорят об исторических этапах жизни и истории белорусского народа.

Историческая тема главенствует пока в спектаклях и оперном и драматическом театрах. Первая белорусская опера «Михаил Подгорный», оперы «В пущах Полесья» и драма «Партизаны» — все они говорят об исторических этапах жизни и истории белорусского народа.

Историческая тема главенствует пока в спектаклях и оперном и драматическом театрах. Первая белорусская опера «Михаил Подгорный», оперы «В пущах Полесья» и драма «Партизаны» — все они говорят об исторических этапах жизни и истории белорусского народа.

Историческая тема главенствует пока в спектаклях и оперном и драматическом театрах. Первая белорусская опера «Михаил Подгорный», оперы «В пущах Полесья» и драма «Партизаны» — все они говорят об исторических этапах жизни и истории белорусского народа.

Историческая тема главенствует пока в спектаклях и оперном и драматическом театрах. Первая белорусская опера «Михаил Подгорный», оперы «В пущах Полесья» и драма «Партизаны» — все они говорят об исторических этапах жизни и истории белорусского народа.

Историческая тема главенствует пока в спектаклях и оперном и драматическом театрах. Первая белорусская опера «Михаил Подгорный», оперы «В пущах Полесья» и драма «Партизаны» — все они говорят об исторических этапах жизни и истории белорусского народа.

Историческая тема главенствует пока в спектаклях и оперном и драматическом театрах. Первая белорусская опера «Михаил Подгорный», оперы «В пущах Полесья» и драма «Партизаны» — все они говорят об исторических этапах жизни и истории белорусского народа.

Историческая тема главенствует пока в спектаклях и оперном и драматическом театрах. Первая белорусская опера «Михаил Подгорный», оперы «В пущах Полесья» и драма «Партизаны» — все они говорят об исторических этапах жизни и истории бел

Неопубликованный Фурманов

Через несколько месяцев исполняется 15 лет со дня смерти Д. А. Фурманова.

Советское литературоведение не создало за эти 15 лет ни одной значительной монографии о творчестве Д. Фурманова. Больше того, до сих пор под спудом лежит оставленное им огромное литературное наследство в виде подготовленных материалов, записных книжек, дневников.

Д. Фурманов в последние годы своей жизни готовил ряд монументальных произведений — «История гражданской войны», роман «Гаманцы», повесть «Луна», в центре которой должен был стоять образ советской женщины.

Неоднинимо историко-литературное значение имеют материалы, собранные Д. Фурмановым для будущего им романа «Писатели». Нет почти ни одного сколько-нибудь замечательного писателя 20-х годов, который не был бы представлен в этих материалах.

Д. Фурманов был непрерывно дневник с 1916 до 1926 года. Опубликованы же из него только записи, относящиеся к империалистической войне и 1917 году.

Никогда не рассказывалась Д. Фурманов о своей записной книжке. Его записные книжки — это большое собрание нереализованных сюжетов. Каждый из них содержит зерно рассказа, а многие представляют собой готовые новеллы, замечательные по меткости наблюдения.

Мы имели возможность заглянуть лишь в одну из сотен листов фурмановского архива, хранящегося в Институте имени А. М. Горького. Пальца эта относится к периоду гражданской войны. В содержащихся здесь записных книжках рассказано много ярких эпизодов комиссаров и командиров гражданской войны. Большое число записей относится к Чапаеву. Д. Фурманов коллекционировал отдельные выражения Чапаева, его любимые по-

говорки, творцом которых зачастую был он сам.

Вот одна из записей Д. Фурманова из Чапаева:

— Чапаев живет дух народного царя. У него всегда желание сказать врагу — «Иду на вы».

В один из дней Д. Фурманова, за этот период мы встречаем следующую запись:

— На аэро (о Чапаеве).

Именем характера нескончайный и любопытствующий, почти авантюристический — везде хочет быть, все хочет знать.

— Ты не летал еще на аэроплане,

— сказал ему комбриг в беседе.

— А вот почему.

— Смотри, свалишься.

— Дурак, я и свалился — жив буду.

Брешешь, никогда не полетишь.

В результате — летят низко над непрятелем, сам кладет бомбы, там панка, пальба, сам летит в руку.

Как известно, один из излюбленных образов Фурманова был образ подростка, которого инстинкт подлинного сына народа толкал в добровольцы Красной Армии. И вот Фурманов заносит в свою записную книжку для задуманной им повести эпизод геройской смерти подростка Ленинки.

«Когда Ленинку приставили к стене, когда против него зачеририли три дула, а офицер с ухмылкой молвил «пли» — я видел, как Ленинка побежел, а брови у него задрожали и губы будто высокали, закривились, закружились, как береста на якорном душе».

Нужно сказать, что архивом Института им. Горького отнюдь не ограничивается литературное наследство Д. Фурманова. Значительный архив писателя остался и у его жены, А. Фурмановой. В частности, у нее сохранились стихи, которые писал Д. Фурманов, и письма к нам писателей, в том числе письма А. М. Горького.

С. ИППОЛИТОВ.

В Москву приехал известный сказочник М. А. Сказкин (Горьковская область), творческий вечер которого на днях состоялся в Московском клубе писателей. М. А. Сказкин пользуется большим успехом у детей, перед которыми он любит выступать. На снимке: М. А. Сказкин среди детей. Фото В. Лагина.

У писателей Сталинграда

ИРКУТСК. (От наш. корр.). В разных концах Сибири поют и рассказывают о великих воинах — Ленине и Сталине — прекрасные, волнующие легенды, искренние, сердечные песни, эпосики и радостные частушки.

Книга «Народы Восточной Сибири о Сталине», созданная иркутскими фольклористами и писателями и вышедшая недавно в Москве, воочию показала неиссякаемое братство сибирского фольклора.

У коллектива, работающего над книгой о Сталине, возникла идея создать аналогичную книгу о Ленине. С января этого года началась подготовительная работа. Бюро областного комитета ВКП(б) утвердило редакционную коллегию по созданию и редактированию книги «Творчество народов Восточной Сибири о Ленине». В редакколлегии вошли: секретарь обкома партии тов. Рассказов, фольклорист Александр Гуревич, ответственный секретарь Иркутского отделения ССП поэт И. Молчанов (Сибирский), директор областного издательства тов. Бесселов и редактор областной газеты тов. Пимаков.

Константин Семерников заканчивает поэму «Дорога отцов» — о молодом человеке нашего времени. Две первые части поэмы обсуждены на собраниях литературного объединения; выступавшие, отмечая несомненный творческий рост автора, указали на ряд существенных недостатков. Понтифик К. Семерников пишет цикл «Волжских рассказов».

Учителя В. Матушкин закончили поэму о школьниках. Сотрудники котельниковской районной газеты С. Захаров пишет книгу о герое гражданской войны П. З. Чеснокове.

Из поэтического собрания обращают на себя Михаил Луконин, Николай Белов, Виталий Балабин.

В остальной части книги помещены очерки: «Жизнь есть действие» (о Горьком), «Маховский», «Луначарский», «Александр Блок», «Петр Лазаревич Войнов», «Анри Барбюс» и «Поль Валери Кутюрье».

Новые книги

ЖИЗНЬ ЕСТЬ ДЕЯНИЕ

Государственное издательство «Художественная литература» выпустило книгу Л. Никулина «Жизнь есть действие», представляющую собой сборник художественных портретов выдающихся общественных деятелей и писателей.

Книга открывается очерком о Ленине. Вторая опера — «Дорога на юг» — по священному труду Чапаева.

В остальной части книги помещены очерки: «Жизнь есть действие» (о Горьком), «Маховский», «Луначарский», «Александр Блок», «Петр Лазаревич Войнов», «Анри Барбюс» и «Поль Валери Кутюрье».

В ГОРАХ СИХОТ-АЛИНЯ

Летицлат ЦК ВЛКСМ выпустил книгу известного русского путешественника В. К. Арсеньева «В горах Сихот-Алиня».

В этой книге автор широко известных книг для юношества «Дурсун-Узала» и «В дебрях Уссурийского края» рассказывает об экспедиции Приморского отдела Русского географического общества, отправленной для обследования северной части горной области Сихот-Алиня.

РАССКАЗЫ О ПРИРОДЕ

Летицлат ЦК ВЛКСМ выпускает для детей машины и среднего возраста книги Д. Арманд «Грозные силы». В книге собраны рассказы о землетрясениях, наводнениях, лавинах и других явлениях природы. Для детей старшего возраста выпущена книга очерков С. И. Отчева «Леса». Из поэтического собрания обращают на себя внимание обращения к героям труда — И. Б., пишет Лермонтов, — язвится на суд света; но теперь я не смею взять на себя эту ответственность по многим важным причинам».

Под этими «важными причинами», следствием которых, повидимому, явилась некоторая отрывочность композиции романа, скрывается опасение цензуры пропагандистов, которых могли вызвать факты жизни Печорина в Петербурге.

Появление генералной лермонтовской прозы в общем было встречено сочувственно как журнальной критикой, так и читателями. Из двух десятков журнальных рецензентов, кажется, только один С. Бурачек из «Маяка», который А. Григорьев характеризовал как «наиболее последовательный представитель чистого застоя», отнесся резко отрицательно к «Герою нашего времени», противопоставив ему «романы лучших русских писателей» — «Максима Горького» и «Княжна Мерид», которая вместе с «Таманью» и «Фаталистом» составляет обособленный цикл, оглавляемый «Журнал Петровича». В предисловии к этому «Журналу», автор, сообщая некоторые биографические данные о герое романа, предупреждает читателя, что книгу из имеющейся у него «голостой тетради», появившейся о жизни Печорина, вошло только то, что относится к пребыванию его на Кавказе, «Когда-нибудь и она (тетрадь — И. Б.) — пишет Лермонтов, — явится на суд света; но теперь я не смею взять на себя эту ответственность по многим важным причинам».

Под этими «важными причинами», следствием которых, повидимому, явилась некоторая отрывочность композиции романа, скрывается опасение цензуры пропагандистов, которых могли вызвать факты жизни Печорина в Петербурге.

Появление генералной лермонтовской прозы в общем было встречено сочувственно как журнальной критикой, так и читателями. Из двух десятков журнальных рецензентов, кажется, только один С. Бурачек из «Маяка», который А. Григорьев характеризовал как «наиболее последовательный представитель чистого застоя», отнесся резко отрицательно к «Герою нашего времени», противопоставив ему «романы лучших русских писателей» — «Максима Горького» и «Княжна Мерид», которая вместе с «Таманью» и «Фаталистом» составляет обособленный цикл, оглавляемый «Журнал Петровича». В предисловии к этому «Журналу», автор, сообщая некоторые биографические данные о герое романа, предупреждает читателя, что книгу из имеющейся у него «голостой тетради», появившейся о жизни Печорина, вошло только то, что относится к пребыванию его на Кавказе, «Когда-нибудь и она (тетрадь — И. Б.) — пишет Лермонтов, — явится на суд света; но теперь я не смею взять на себя эту ответственность по многим важным причинам».

Под этими «важными причинами», следствием которых, повидимому, явилась некоторая отрывочность композиции романа, скрывается опасение цензуры пропагандистов, которых могли вызвать факты жизни Печорина в Петербурге.

Появление генералной лермонтовской прозы в общем было встречено сочувственно как журнальной критикой, так и читателями. Из двух десятков журнальных рецензентов, кажется, только один С. Бурачек из «Маяка», который А. Григорьев характеризовал как «наиболее последовательный представитель чистого застоя», отнесся резко отрицательно к «Герою нашего времени», противопоставив ему «романы лучших русских писателей» — «Максима Горького» и «Княжна Мерид», которая вместе с «Таманью» и «Фаталистом» составляет обособленный цикл, оглавляемый «Журнал Петровича». В предисловии к этому «Журналу», автор, сообщая некоторые биографические данные о герое романа, предупреждает читателя, что книгу из имеющейся у него «голостой тетради», появившейся о жизни Печорина, вошло только то, что относится к пребыванию его на Кавказе, «Когда-нибудь и она (тетрадь — И. Б.) — пишет Лермонтов, — явится на суд света; но теперь я не смею взять на себя эту ответственность по многим важным причинам».

Под этими «важными причинами», следствием которых, повидимому, явилась некоторая отрывочность композиции романа, скрывается опасение цензуры пропагандистов, которых могли вызвать факты жизни Печорина в Петербурге.

Появление генералной лермонтовской прозы в общем было встречено сочувственно как журнальной критикой, так и читателями. Из двух десятков журнальных рецензентов, кажется, только один С. Бурачек из «Маяка», который А. Григорьев характеризовал как «наиболее последовательный представитель чистого застоя», отнесся резко отрицательно к «Герою нашего времени», противопоставив ему «романы лучших русских писателей» — «Максима Горького» и «Княжна Мерид», которая вместе с «Таманью» и «Фаталистом» составляет обособленный цикл, оглавляемый «Журнал Петровича». В предисловии к этому «Журналу», автор, сообщая некоторые биографические данные о герое романа, предупреждает читателя, что книгу из имеющейся у него «голостой тетради», появившейся о жизни Печорина, вошло только то, что относится к пребыванию его на Кавказе, «Когда-нибудь и она (тетрадь — И. Б.) — пишет Лермонтов, — явится на суд света; но теперь я не смею взять на себя эту ответственность по многим важным причинам».

Под этими «важными причинами», следствием которых, повидимому, явилась некоторая отрывочность композиции романа, скрывается опасение цензуры пропагандистов, которых могли вызвать факты жизни Печорина в Петербурге.

Появление генералной лермонтовской прозы в общем было встречено сочувственно как журнальной критикой, так и читателями. Из двух десятков журнальных рецензентов, кажется, только один С. Бурачек из «Маяка», который А. Григорьев характеризовал как «наиболее последовательный представитель чистого застоя», отнесся резко отрицательно к «Герою нашего времени», противопоставив ему «романы лучших русских писателей» — «Максима Горького» и «Княжна Мерид», которая вместе с «Таманью» и «Фаталистом» составляет обособленный цикл, оглавляемый «Журнал Петровича». В предисловии к этому «Журналу», автор, сообщая некоторые биографические данные о герое романа, предупреждает читателя, что книгу из имеющейся у него «голостой тетради», появившейся о жизни Печорина, вошло только то, что относится к пребыванию его на Кавказе, «Когда-нибудь и она (тетрадь — И. Б.) — пишет Лермонтов, — явится на суд света; но теперь я не смею взять на себя эту ответственность по многим важным причинам».

Под этими «важными причинами», следствием которых, повидимому, явилась некоторая отрывочность композиции романа, скрывается опасение цензуры пропагандистов, которых могли вызвать факты жизни Печорина в Петербурге.

Появление генералной лермонтовской прозы в общем было встречено сочувственно как журнальной критикой, так и читателями. Из двух десятков журнальных рецензентов, кажется, только один С. Бурачек из «Маяка», который А. Григорьев характеризовал как «наиболее последовательный представитель чистого застоя», отнесся резко отрицательно к «Герою нашего времени», противопоставив ему «романы лучших русских писателей» — «Максима Горького» и «Княжна Мерид», которая вместе с «Таманью» и «Фаталистом» составляет обособленный цикл, оглавляемый «Журнал Петровича». В предисловии к этому «Журналу», автор, сообщая некоторые биографические данные о герое романа, предупреждает читателя, что книгу из имеющейся у него «голостой тетради», появившейся о жизни Печорина, вошло только то, что относится к пребыванию его на Кавказе, «Когда-нибудь и она (тетрадь — И. Б.) — пишет Лермонтов, — явится на суд света; но теперь я не смею взять на себя эту ответственность по многим важным причинам».

Под этими «важными причинами», следствием которых, повидимому, явилась некоторая отрывочность композиции романа, скрывается опасение цензуры пропагандистов, которых могли вызвать факты жизни Печорина в Петербурге.

Появление генералной лермонтовской прозы в общем было встречено сочувственно как журнальной критикой, так и читателями. Из двух десятков журнальных рецензентов, кажется, только один С. Бурачек из «Маяка», который А. Григорьев характеризовал как «наиболее последовательный представитель чистого застоя», отнесся резко отрицательно к «Герою нашего времени», противопоставив ему «романы лучших русских писателей» — «Максима Горького» и «Княжна Мерид», которая вместе с «Таманью» и «Фаталистом» составляет обособленный цикл, оглавляемый «Журнал Петровича». В предисловии к этому «Журналу», автор, сообщая некоторые биографические данные о герое романа, предупреждает читателя, что книгу из имеющейся у него «голостой тетради», появившейся о жизни Печорина, вошло только то, что относится к пребыванию его на Кавказе, «Когда-нибудь и она (тетрадь — И. Б.) — пишет Лермонтов, — явится на суд света; но теперь я не смею взять на себя эту ответственность по многим важным причинам».

Под этими «важными причинами», следствием которых, повидимому, явилась некоторая отрывочность композиции романа, скрывается опасение цензуры пропагандистов, которых могли вызвать факты жизни Печорина в Петербурге.

Появление генералной лермонтовской прозы в общем было встречено сочувственно как журнальной критикой, так и читателями. Из двух десятков журнальных рецензентов, кажется, только один С. Бурачек из «Маяка», который А. Григорьев характеризовал как «наиболее последовательный представитель чистого застоя», отнесся резко отрицательно к «Герою нашего времени», противопоставив ему «романы лучших русских писателей» — «Максима Горького» и «Княжна Мерид», которая вместе с «Таманью» и «Фаталистом» составляет обособленный цикл, оглавляемый «Журнал Петровича». В предисловии к этому «Журналу», автор, сообщая некоторые биографические данные о герое романа, предупреждает читателя, что книгу из имеющейся у него «голостой тетради», появившейся о жизни Печорина, вошло только то, что относится к пребыванию его на Кавказе, «Когда-нибудь и она (тетрадь — И. Б.) — пишет Лермонтов, — явится на суд света; но теперь я не смею взять на себя эту ответственность по многим